

Хомякова О.Р., доцент кафедры русской
и зарубежной литературы БГПУ имени
М. Танка

Особенности анализа басни

(на материале басенного творчества Крылова)

Исследователи давно заметили, что начинать обучение анализу художественного произведения лучше всего с басни, которая и структурно, и содержательно является простейшей моделью художественного текста. По А.А. Потебне, «всякое поэтическое произведение (...) состоит из частей, которые мы замечали в басне» [1, с. 89]. **Многообразие проблем и проявлений жизни, волнующее авторов других жанров, в басне сводится к ответу на вопрос "как должен вести себя в этом мире человек?"** (2, с. 7). **Басня является «быстрым ответом на предложенный вопрос»** [1, с. 65], то есть из басни исключается все, что могло бы замедлить и усложнить получение ответа. При этом ответ в басне формулируется самим автором, препарирующим жизнь, выжимая из нее сок идеи. В.Г. Белинский считал жанр басни "цветком рассудка", где "идея и форма лежат вне друг друга, прилипают друг к другу" (3, т. 3, с.239). А вещи, в которых видны швы, анализируются проще. **Исходная позиция для интерпретатора басни – выяснение того, ответом на какой вопрос она является.** Допустить такого рода установку по отношению к произведениям других жанров – значило бы пойти на существенное упрощение, даже схематизацию. Жанр басни не просто допускает, но даже предполагает выведение формулы или схемы.

Основой научного мышления считается понятие, основой художественного – образ. Басня на разных правах (в зависимости от эпохи, литературного направления и индивидуальности автора) вбирает в себя понятийное и образное начала. По В.Ф. Асмусу, «понятие всегда выступает в мышлении как член некоторой логической связи. Оно мыслится или в составе суждения, или в составе умозаключения, или в составе доказательства» (4, т.1, с.284). Наличие четкой логической связи между образной картиной и вытекающей из нее моралью является обязательным для басни. В басне дается понятие о предмете, тогда как цель создания образа предмета изначально этому риторическому жанру не присуща, и появляется только у таких мастеров, как И.А. Крылов.

Если процесс анализа художественного текста представлять как освобождение ядра ореха от скорлупы, то басня будет идеальным «орехом». Ядро, то есть мораль, в басне изначально присутствует в чистом виде. Непонятно, правда, зачем баснописцы предлагают читателю еще и скорлупу, то есть оставшуюся после отделения ядра часть текста.

Моралист – человек, который во всем ищет мораль, действительно, не видит в скорлупе особой ценности и с легкостью освобождается от нее. Герцогиня в “Приключениях Алисы в Стране Чудес” Льюиса Кэрролла говорит как моралист: «Во всем есть своя мораль, нужно только уметь ее найти!». На самом деле мораль – это лишь один из аспектов смысла, присутствующий отнюдь «не во всем», не во всяком тексте. Произведения недидактических жанров, вопреки мнению героини Л. Кэрролла, если и несут некое нравоучение, то скорее маскируют назидательность смысла, чем заявляют о нем. А вот жанр басни без морали действительно немислим, и затруднять себя ее поисками не нужно. Автор басни берет на себя труд сформулировать смысл изображенного, освобождая читателя от возможных сомнений и колебаний и давая ему готовый урок жизни, определенный, однозначный, не предполагающий разночтений, афористически закругленный ради лучшего усвоения и запоминания. Четкий, ясный, безапелляционный вывод, в истинности которого не сомневаются, может предлагаться в начале или в конце басни, предшествуя сюжету или завершая его. И читателю остается только повторить и запомнить найденную не им, но для него формулу. **Но даже в жанре басни, который генетически являет собой назидание на примере, мораль не тождественна смыслу.**

Интересен опыт переложения 46 эзоповых басен Л.Н. Толстым, который в своих четырех "Русских книгах для чтения" опускал "мораль", поскольку "в педагогических целях ... считал более целесообразным, чтобы ученики не получали в басне готовый вывод, а делали его сами из содержания басни" (5, с. 63). В качестве методического приема, видимо, можно и нашим учителям посоветовать чтение в классе басен с урезанной дидактической частью, восстановить которую должны ученики. Чтобы басня была узнаваемой в своей жанровой специфике, Л.Н. Толстой освобождает сюжет и характеры персонажей от живописных подробностей, оставляя голые действия, и тем самым страхует от возможных неоднозначных выводов своих учеников.

Крылов не моралист, а баснописец. Величие Крылова-баснописца - в непревзойденном мастерстве реализации как риторической, так и поэтической целей. **Крыловская басня порождается сознанием**

несовершенства мира и людей и потребностью указать на это несовершенство. Но Крылов дает возможность читателю извлечь из ситуации не только некий нравственный урок, но смыслы, к морали не сводимые.

Собственно поиск смысла любого высказывания предполагает сведение всех компонентов текста к некоему единству. Анализируя басню, в первую очередь необходимо учитывать взаимодействие смыслов, исходящих из эмпирической части (повествования) и обобщения (морали). Басня дает возможность наглядно оценить возможности художественного языка и языка логики, хотя было бы натяжкой говорить о том, что баснописец осуществляет перевод с одного языка на другой. У сюжетной и назидательной частей басни разные задачи. Сюжетная часть готовит мораль, дает возможность сформулировать поучение, но ни в коем случае не сводится к нему, поскольку, как заметили еще классики, явление богаче закона.

В назидательной части созданного художником мира формулируется его «закон» - в ней как в фокусе соединяется комическая сторона и горечь жизненной ситуации, наивность первооткрывателя общеизвестной истины и усмешка мудреца над философскими граблями, на которые то и дело наступает человечество. В басне «Ворона и Лисица» мораль выступает как одна из вечных тем жизни: «Уж сколько раз твердили миру, Что лесть гнусна, вредна; Но только все не впрок, И в сердце льстец всегда отыщет уголок», - сколько не постомай, а пока есть льстецы и любители льстивых похвал, лесть все равно находит применение. Как правило, мораль крыловских басен является результатом наблюдения за повторяющимися ситуациями:

У сильного всегда бессильный виноват:

Тому в истории мы тьму примеров слышим

(«Волк и Ягненок»)

Мораль может выглядеть как сентенция: будь то мнение, суждение («Когда в товарищах согласья нет, На лад их дело не пойдет» - «Лебедь, Щука и Рак»), или нравоучительное изречение, имеющее форму императива, который выражает совет, подсказку, рекомендацию («...делом, не сведя конца, Не надобно хвалиться» - «Синица»), или максима, то есть правило поведения («А я бы повару иному Велел на стенке зарубить: Чтоб там речей не тратить по-пустому, Где нужно власть употребить» - «Кот и Повар»). Часто у Крылова соединяются разные подвиды сентенций в одну формулу:

Мстят сильно иногда бессильные враги.

Так слишком на свою ты силу не надейся!

(«Лев и Комар»)

Чтение басни – опыт встречи со злом. Задачи анализа басни – постичь логику зла, вызвать чувство отторжения от зла, а самое главное, увидеть зло в комическом виде. Зло осмеивается как отторгаемый мир, не вызывающий сочувствия и желания подражать, даже в тех случаях, когда зло торжествует. Поэтому басенный мир заселен животными персонажами, которые совершают поступки, очень похожие на человеческие, но показывающие человеку его искаженное лицо.

Мир басни строится на игре, притворстве, несерьезности, басня лукава, иронична, иносказательна. Изначально басня строилась на иносказании, то есть за сказанным подразумевался иной, скрытый смысл, ради которого басня собственно и писалась. Конкретный образ у легендарного Эзопа обозначал нечто отвлеченное. Аллегория – иносказательное изображение чего-либо в образах, имеющих чисто условную связь с трактуемым предметом. Образ каждого животного в басне — это аллегория какой-либо человеческой черты характера, что предполагает однозначность образа. Лиса – воплощение хитрости, заяц – трусости. В лучших баснях Крылова аллегория – выражение отвлеченной идеи в конкретном образе – уступает место самоценному образу, интересному самому по себе. Соответственно однозначное истолкование, естественное для произведений, которые строятся на аллегории, не может удовлетворить читателя крыловской басни. У Крылова аллегорический смысл изображенному в сюжете придается моральным выводом, тогда как сюжет и характеры стихов не столь однозначны, как предполагается басенным каноном.

Нечувствительность к игровому началу в басне приводит к «эффекту Передонова». В романе Ф. Соллогуба «Мелкий бес» учитель Передонов, буквально понимающий аллегории, после чтения гимназистам басни «Лжец» продолжает врать, но боится ходить через мост, который должен обрушиться под каждым, кто скажет неправду. Оказывается, из чтения басни можно извлечь и такой урок! Ядовито смеясь над своим персонажем, Ф. Соллогуб указывает на реальные сложности восприятия басни. Ироническое высказывание действительно воспринимается не всегда адекватно. Читатель, настроиваясь некритически доверять басне, может игнорировать скрытую насмешку, каковой является ирония.

Ирония (греч. ειρωνεια - "притворство") - употребление слова (словосочетания, предложения) в противоположном смысле, с целью насмешки. Вопрос "Отколе, умная, бредешь ты, голова?" ("Лисица и Осел"), обращенный к Ослу, следует понимать, конечно, не как утверждение высокого ослиного интеллекта. Скрытая, а нередко и откровенная насмешка над аллегорическими басенными фигурами – один из способов подчеркнуть особый статус изображаемого мира как мира, условного, искусственно созданного для осмеяния.

В басне персонажи часто выступают в паре – антагонист и протагонист. Но мир басни тяготеет к однородности, это мир зла или по крайней мере отступлений от нормы. Поэтому и противостоящие друг другу персонажи, каждый по-своему, но чаще всего действуют по законам зла. Читатель смеется и над хитроумием лстливой Лисицы, и над глупостью обманутой Вороны. **Смех – то, что позволяет читателю дистанцироваться от мира басни с его волчьими, лисьими, одним словом, звериными законами и перейти к человеческому измерению изображенного – к морали.**

Басня рассудочна, и герои, и рассказчик ищут разумные решения жизненных проблем, разумное обоснование своих действий или высказываний. При этом в художественном мире крыловской басни неизменно обнаруживается ограниченность человеческого разума. Персонажи «Квартета» убеждены, что для успеха дела достаточно занять нужные места: «Скажи лишь, как нам сесть!». Мартышка, желая улучшить зрение, пытается налезть очки на хвост («Мартышка и Очки»). Свинья, питающаяся желудями, не видит проку в дубе и подрывает его корни («Свинья под дубом»). Иной раз басенные умники способны к действиям, действительно идущим им на пользу. Такова Моська, повышающая свой авторитет в собачьем мире тем, что «лает на Слона» («Слон и Моська»). Для слонов безразличны моськи, какой бы шум они не производили, но этот шум может произвести нужное впечатление на других мосек. Такова Лисица, лестью добывающая себе желанный кусок сыра («Ворона и Лисица»). Такова болонка Жужу, обретшая собачье счастье в том, что умеет ходить перед хозяином на задних лапках («Две собаки»).

Но даже персонажи, сумевшие найти собственную выгоду в такого рода действиях, представлены в баснях Крылова столь нелепыми и смешными в узости и примитивности их притязаний, что их «успехи» вряд ли способны породить подражателей. Чаще герои басен, совершая неблагоприятные поступки, оказываются посрамленными, а то и побитыми. «Хитрец» Волк, попав на псарню, не может никого убедить в своем

миролюбии («Волк на псарне»), Синица, грозившаяся сжечь море, конечно же, не смогла выполнить своих хвастливых обещаний («Синица»).

Для басни не свойственны познавательные затруднения и ценностные тупики. Чехов писал о том, что писатель не дает ответов, он ставит вопросы. Баснописец на вопросы отвечает, нисколько не сомневаясь в бесспорности своего ответа. Басня консервативна по природе и оперирует готовыми истинами - общеизвестными, общепринятыми. Истины басни очевидны до банальности. Комический эффект создается за счет восприятия итогового афоризма в контексте бытового эпизода, в котором звериные персонажи являют собою уморительные копии человеческого мира, а философия животных и их образ действий – репродукцию того, что делают, но в чем предпочитают не сознаваться люди. В басне природные нравы и повадки животных (заяц труслив, лиса хитра, пчелы трудолюбивы) накладываются на человеческие поступки и мысли. Крылов умел двумя строками создать характер. Выяснение характерных особенностей действующих лиц, деталей облика, мотивов их поведения, образных средств, которыми создается портрет персонажа, рисуется конфликт и способы его разрешения, - все это позволяет войти в крыловский басенный мир, далеко не исчерпывающийся моральной максимой. Всегда очерчивается точка зрения персонажа, закономерно вытекающая из его природного естества, а значит и оправданная той относительной правотой, которой обычно оправдывают отступления от морали. Если назидательная часть не допускает даже предположения о правде зла, то в характерологии басни обнаруживается, что зло не может не присутствовать в мире, в котором живут Волки или Ослы.

Безусловно, важнейшим моментом анализа басни является определение функций образов животных. А. Потемкина уподобляет животных персонажей шахматным фигурам, "каждая из которых имеет определенный ход действий" (1, с. 67). Заданные функции (как шахматный конь ходит буквой «г» - так конь в басне является тружеником, безотказно выполняющим тяжелые работы) настраивают на ожидание реализации именно этих функций в сюжете. Соответственно звериные образы «способны, по первому требованию, стать общей схемой спутанных явлений жизни и служить их объяснением» (1, с.71). Образы басни не требуют и не должны требовать объяснений. Психологическая полнота и конкретность усложнили бы изображаемую житейскую ситуацию и тем самым лишили мораль требуемой очевидности. Равным образом, жизнеподобие басенных образов могло бы стать препятствием в создании комического эффекта. Трагическая сторона

смешного в басне со звериными персонажами воспринимается совсем по-другому, чем это было бы при изображении людей. В басне «Рыбья пляска» иронически повествуется о блаженстве жизни народа. Картинка бьющихся на горячей сковородке рыб, которые, как следует из объяснения Мужика Льву, пляшут от радости лицезреть своего государя, выглядела бы садистским эпизодом, будь на сковородке не иносказательные подданные. В басне «Кошка и Соловей» грустному резюме – «Сказать ли на ушко, яснее, мысль мою? Худые песни Соловью В когтях у Кошки» - предшествует забавная картинка, живописно и весьма натуралистично изображающая Кошку, «ласково» запустившую в птичку когти.

Таким образом, причина изображения животных (реже - растений или вещей) в басне заключается в том, что они представляют собой наиболее удобные условные фигуры, которые создают необходимую для эстетического впечатления изоляцию от действительности. Стоит представить вместо Соловья в когтях у Кошки человека, схваченного каким-то чудовищем, и наше восприятие картины меняется. Появляется драматическая тональность, возникает сопереживание герою, однозначность и безусловность морали в такой жизнеподобной картине становится сомнительной, обнаруживается возможность различных развязок конфликта. **Басня – жанр, не предполагающий самоотождествление читателя с персонажем. Читатель не изнутри, а со стороны, извне наблюдает за героями басни, хотя может узнать свои качества и поступки.**

Условные герои басни существуют в абстрактном хронотопе. Животные - вне истории, вне времени исторического и социальной иерархии, что усиливает общечеловеческое звучание басни, ориентированной на изображение непреходящего в жизни. Детали, конкретизирующие исторические и социальные обстоятельства, за редкими исключениями (крыловские басни наполеоновского цикла) в басне не играют существенной роли. У Крылова Волк – это образ власть имущего, который не затрудняет себя обоснованием справедливости своей расправы над слабым, а значит, заведомо «виноватым» Ягненком. Для интерпретатора басни не оправданным было бы подыскивать конкретные социальные амплуа персонажам «Волка и Ягненка», будь то помещик и крестьянин, чиновник и проситель и т.п. Басенные сюжеты и басенные персонажи переходят из одного века в другой и от одного автора к многим именно потому, что басня воспроизводит общечеловеческие пороки.

Автор басни не претендует на новаторство, оригинальность (воспроизводство чужих сюжетов порицается где угодно, только не в басне) и собственное мнение (басня знает 2-е и 3-е лицо, но избегает 1-ого). **Истина басни не принадлежит лицу и не может быть открыта им, автор выступает как рассказчик одной из «тьмы историй» подтверждающих общепринятую мораль, традиционные ценности.** И это тоже особенность басни: басенная мораль принимается и презираемой романтиками толпой и обожествляемым реалистами народом, поскольку басня утверждает и отрицает принятое и верхами и низами, и мудрецами и простецами.

Но воспроизводя инерционные, «накатанные» ходы сознания, ожидаемые сюжетные повороты, предусматривающие стереотипные реакции читателя на поведение персонажа, иными словами, работая на готовом материале, автор басни, вне всякого сомнения, узнаваем. По крайней мере, если этот автор – Крылов. **Именно размышляя о Крылове, Жуковский формулирует свой знаменитый афоризм: «Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах — соперник» (6, с.190).** Крылов с успехом соперничает со своими знаменитыми предшественниками: в его творчестве жанр сатирического красноречия превращается в произведение искусства, басня освобождается от схематических фигур и риторических приемов и обретает образность. Из «педагогического занятия» (Пушкин), нравственного урока крыловская басня становится «моралью в действии», «зеркалом, в котором отображается мир человеческий» (В.А. Жуковский).

Литература

1. Потебня, А. А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка / А.А. Потебня // Потебня А. А. Теоретическая поэтика. - М.: Высшая школа, 1990.
2. Гаспаров, М.Л. Античная литературная басня (Федр и Бабрий) / М.Л. Гаспаров. - М., 1971.
3. Белинский, В.Г. Басни. Сочинение Додстлея / В.Г. Белинский // Полн. собр. соч.: в 13 т. - М., 1953.
4. Асмус, В.Ф. Понятие / В.Ф. Асмус // Асмус В.Ф. Избр. философские труды. М., 1969.
5. Гусев, Н.Н. Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1870 по 1881 год / Н.Н. Гусев. - М., 1963.
6. Жуковский, В.А. Эстетика и критика / В.А. Жуковский. - М., 1985.